

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

И. В. Стеблева

К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИИ ТЮРКСКОГО АРУЗА

«Трактат об арузе» Захираддина Мухаммада Бабура, созданный им в первой четверти XVI в. (не ранее 1523 и не позднее 1525 г.)¹, является наиболее полным сочинением по теории аруза на тюркском языке, где наряду с изложением правил канонического аруза мы находим и описание некоторых особенностей реализации системы аруза в тюркоязычной поэзии. Для изучения проблемы тюркского аруза в трактате Бабура интересны те сведения, которые он сообщает в разделе, посвященном правилам скандирования (*тақтӣ'*)². Здесь Бабур специально отмечает приемы построения стоп аруза, которые применялись именно в тюркоязычной поэзии. При этом в соответствии с традицией объяснение системы аруза в трактате опирается не на понятие звуков (согласных или гласных), а на понятие букв, и таким образом стопы метров аруза предстают в описании как сочетания огласованных (*мутаҳарриж*) и неогласованных (*сāкин*) букв. Однако за общепринятой в подобного рода сочинениях формой выражения скрывается истинный смысл лингвистических явлений, хорошо сознаваемый автором. Поэтому современная интерпретация, можно сказать, расшифровка «буквенных» учений аруза необходима и для того, чтобы по достоинству оценить теоретический уровень мышления автора средневекового трактата, и для того, чтобы найти естественное и логичное объяснение некоторым условностям и допущениям теории тюркского аруза.

А. Н. Самойлович в свое время писал, что в тюркоязычных стихах, написанных арузом, долгими слогами условно считаются

¹ О датировке трактата см. подробно в кн.: Захир ад-Дин Мухаммад Бабура. Трактат об 'арӯзе. Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья и указатели И. В. Стеблевой. М., 1972, с. 20—21.

² Лл. 21а—27а рукописи. Перевод этого раздела содержится в статье: И. В. Стеблева. О правилах скандирования в «Трактате об арузе» Захираддина Мухаммада Бабура. — ППВ-1975 (в печати).

закрытые слоги (речь идет о тюркских словах, так как арабские и персидские слова употребляются по правилам канонического аруза), открытые слоги условно считаются краткими. Однако открытые слоги могут также скандироваться по метру и как долгие³. Это двоякое употребление в тюркском арузе открытых слогов с ритмической точки зрения казалось необъяснимым, и некоторые исследователи классической тюркоязычной поэзии сочли возможным или вообще пренебречь необходимостью учитывать регламентацию метров по распределению закрытых и открытых слогов, или усомниться в реальном значении противопоставления закрытого слога открытому. Иными словами, если открытый слог принимается и за краткий, и за долгий, то непонятно, в чем заключается его противопоставление закрытому слогу — долгому, и отсюда естественно вытекает суждение, что чередование открытых и закрытых слогов не создает ритмического пульса стиха путем их противопоставления. Такое суждение было бы верным, если бы не касалось системы аруза, в которой метрические схемы стоп представляют собой различные вариации сочетаний букв и их огласовок.

Известно, что в арабо-персидском арузе долгим слогом, звучащим при рецитации длиннее краткого, является открытый слог, содержащий долгий гласный, что графически выражается сочетанием огласованной буквы и неогласованной. Например, в персидском слове $\bar{b}\bar{a}$ (*bā*) буква *bā* огласована *фатхой* и в качестве неогласованной буквы обозначен *алиф*; в слове $\bar{c}\bar{i}$ (*chī*) буква *chīm* огласована *касрой*, и неогласованной буквой является буква *йā*; в слове $\bar{x}\bar{u}$ (*xū*) буква *za* огласована *заммой* (*даммой*), неогласованная буква — *vāv*.

Долгим слогом в арабо-персидском арузе считается также закрытый слог, содержащий краткий гласный. Графически такой слог тоже выражается сочетанием огласованной буквы и неогласованной. Например, в слове $\bar{d}\bar{a}r$ (*dar*) буква *dāl* огласована *фатхой*, после нее написана неогласованная буква *rā*; в слове $\bar{d}\bar{i}l$ (*dil*) буква *dāl* огласована *касрой*, как неогласованная выступает буква *lām*; в слове $\bar{m}\bar{u}l$ (*mul*) буква *mīm* огласована *заммой* (*даммой*), затем следует неогласованная буква *lām*.

Следовательно, открытый слог, содержащий долгий гласный, и закрытый слог с кратким гласным, являющиеся в системе аруза ритмически долгими слогами, выражаются через сочетания огласованной буквы и неогласованной, т. е. одинаково, ибо буквы

³ А. Н. Самойлов и ч. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи. — ЗКВ. Т. 2. Вып. 2. Л., 1927, с. 260—261.

алиф, *вāv* и *йā*, которые передают гласные звуки, графически приравниваются любой букве, передающей согласный звук.

Кратким слогом в арабо-персидском арузе является открытый слог, содержащий краткий гласный. Графически такой слог выражается огласованной буквой или, иначе говоря, буквой и ее огласовкой. Например, в слове *بَسْر* (*басар*) первый слог (*ба*) — краткий, так как образован буквой *bā*, огласованной *фатхой*.

Таким образом, в каноническом арузе краткие гласные обозначались огласовками: *фатхой*, *заммой* (*даммой*) и *касрой*, которые проставлялись над буквой. Для обозначения долгих гласных кроме этих огласовок требовалось соответственно изображение букв: *алифа*, *вāва* и *йā* (ا, و, ی). Поскольку огласовки в рукописях не всегда проставлялись, чаще всего они отсутствовали, в словах изображались лишь буквы, передающие согласные звуки, и буквы *алиф*, *вāv* и *йā* в качестве показателей долготы гласных *ā*, *ū*, *ī*.

Однако известно также, что в среднеазиатских рукописях существовала традиция более полной передачи гласных, и поэтому в них буквы *алиф*, *вāv* и *йā* в тюркских словах употреблялись вместо огласовок. Например, в слове *باشى* (*баш*) и в слове *بو* (*бу*) буквы *алиф* в первом случае и *вāv* во втором обозначают не долготу слогов, а передают соответственно гласные *a* и *y*.

С точки зрения теории тюркского аруза слово *باشى* (*баш*) должно рассматриваться как долгий слог, так как оно представляет собой закрытый слог, графически выраженный через сочетание огласованной буквы и неогласованной: *алиф* здесь является огласовкой буквы *bā*, затем следует неогласованная буква *шйн*. Таким образом, любой закрытый слог, выраженный буквой (т. е. согласным), ее огласовкой (т. е. гласным) плюс еще одной буквой (т. е. согласным), в тюркском арузе принимается за долгий слог.

Открытые же слоги могут иметь двойную интерпретацию. Например, если считать, что в слове *بو* (*бу*) буква *вāv* просто передает гласный *y* и таким образом является огласовкой предшествующей буквы *bā*, то мы получаем здесь одну огласованную букву, которая в арузе соответствует краткому слогу. Следовательно, в тюркском арузе слово *بو* представляет собой открытый и краткий слог, и любой другой открытый слог, в котором буквы *алиф*, *вāv* и *йā* употребляются как огласовки, принимается за краткий слог.

Вместе с тем часто при затруднениях с реализацией метров аруза в тюркских словах, не имевших долгот, допускалась определенная условность — буквы *алиф*, *вāv* и *йā* в тюркских словах

считались не огласовками, а буквами. Тогда открытые слоги, содержащие эти буквы, условно принимались за долгие и скандировались как долгие. Например, если рассматривать то же слово *бу* (бу) с позиций канонического аруза, оно представляет собой сочетание буквы *бā*, огласованной *заммой* (*даммой*), затем следует неогласованная буква *вāв*: *بَاو*. Графическое выражение этого слога получается такое же, как графическое выражение любого арабского или персидского открытого слога, содержащего долгий гласный. Поэтому в тюркском арузе любой открытый слог в любом тюркском слове может при необходимости условно приниматься за долгий. Средневековые поэты и их читатели хорошо понимали и знали разницу между тюркским открытым кратким слогом и открытым долгим слогом, ибо с точки зрения учения теории аруза о трех элементах стоп (*сабаб*, *ватад*, *фāсила*), складывающихся из разных сочетаний огласованных и неогласованных букв, данные открытые слоги представляли собой принципиально разные сочетания огласованных и неогласованных букв и соответственно им входили в эти элементы стоп. Разнообразные же сочетания элементов стоп формировали самые стопы, из разнообразных сочетаний которых складывались метры аруза с их многочисленными вариантами. Весьма часто исследователю классической тюркоязычной поэзии, недостаточно сведущему в теории канонического аруза и его тюркской модификации, бывает трудно правильно определить метр аруза в стихах именно из-за двойственного употребления открытых слогов. Отсюда же появляются суждения о том, что чередование закрытых и открытых слогов не образует метров стиха и в качестве организатора ритма следует искать нечто иное. Однако понимание графического принципа интерпретации теории аруза и приемов приспособления с помощью этого принципа метрических схем аруза к тюркским словам сразу ликвидирует неясность с употреблением открытых слогов в тюркском арузе.

Объяснение этих приемов имелось уже в XVI в. в «Трактате об арузе» Бабура. Здесь Бабур пишет о главном правиле тюркского аруза, касающемся способа передачи гласных в тюркских словах: «Основное правило для тюркского языка таково, что после [полагающихся в словах] *фатхи*, *заммы* и *касры* следует писать *алиф*, *вāв* и *йā*» (л. 21б). Причем говорится об этом не как об орфографической особенности написания тюркских слов арабскими буквами, а как об основном правиле тюркского языка, имеющем значение для системы аруза. Далее, снова упомянув это правило, Бабур специально показывает, как одно и то же сочетание слов может скандироваться по-разному, в зависимости от того, какие открытые слоги считать долгими и какие — краткими. Например, при употреблении словосочетания *سینى كورسام*

(сени *körsäm*) в стопе فعلاتن (*фа'илātун*) в слове *сени* буква *йā* хотя и обозначена на письме, но не учитывается как буква и является огласовкой. Поэтому данное слово образует два кратких слога, требуемых парадигмой стопы метра *рамал*, измененной *зиҳāфом забн* (стопа *махбун*) (л. 23а).

Далее приводится другой случай, когда то же словосочетание употребляется в метре *хазадж* (л. 23б). Если سينى كورسام (*сени körsäm*) скандировать согласно парадигме стопы مغايعلن (*мафā-'лун*), то буква *йā* в конце слова *сени* будет учитываться. Происходит это потому, что второй слог стопы *хазаджа* должен быть долгим, поэтому вторая буква *йā* в слове *сени* считается не огласовкой (как первая буква *йā* в этом слове), а буквой; огласовка же буквы *сйн* — *касра* — подразумевается (т. е. хотя в написании она отсутствует, но известно, что она здесь есть). Поэтому последний слог данного слова графически рассматривается как долгий и скандируется как долгий. Тут же Бабур делает очень важное замечание о том, что если буквы *алиф*, *вāв* и *йā* на концах слов учитываются при скандировании, т. е. они являются буквами (а не огласовками) и в качестве таковых образуют долгие слоги, то они не свободны от «усиления (*сақл*)». На основании этого можно сделать вывод, что протяженность ударных гласных на концах слов вполне ощущалась и в тюркском арузе использовалась.

В следующем примере Бабур показывает, как то же сочетание слов может скандироваться в метре *рамал*. Если سينى كورسام (*сени körsäm*) произносить согласно парадигме فعلاتن (*фа'илātун*), то первая буква *йā* в слове *сени* будет при скандировании учитываться, т. е. будет считаться буквой, а не огласовкой. Поэтому первый слог слова *сени* условно принимается за долгий, что соответствует парадигме метра *рамал*. Вторая буква *йā* в этом слове считается только огласовкой, поэтому второй слог получается кратким, что также обусловлено схемой метра.

На основании сказанного мы видим, как одно и то же тюркское слово (*сени*), имеющее два открытых слога, может использоваться в трех разных ритмических конфигурациях: в стопе метра *рамал*, измененной *зиҳāфом забн*, когда оба слога принимаются за краткие (обе буквы *йā* — огласовки); в правильной (полной) стопе метра *хазадж*, когда первый слог — краткий (первая буква *йā* — огласовка) и второй слог — долгий (вторая буква *йā* считается не огласовкой, а буквой); в правильной (полной) стопе метра *рамал*, когда первый слог — долгий (первая буква *йā* считается не огласовкой, а буквой) и второй слог — краткий (вторая буква *йā* — огласовка); соответственно образуется: ˘˘ ; ˘˘ ; ˘˘ (слева направо).

Случая употребления примера *سينى كورسام* (*сени көрсәм*) в такой парадигме, где оба открытых слога в слове *сени* принимались бы за долгие (— —), Бабур не приводит, так как стечение нескольких открытых слогов в качестве долгих считалось технически несовершенным. Поскольку по правилам тюркского аруза долгие слоги должны быть закрытыми, в том случае, когда согласно парадигме метра следовало несколько долгих слогов, например в стопе метра *хазадж* (_ — —), допускалось только чередование слогов закрытых и потому долгих, и открытых, но считающихся по вышеизложенным причинам не краткими, а долгими.

Бабур указывает, что на концах слов *фатхой* (т. е. огласовкой последней буквы слова) кроме буквы *алиф* иногда служит буква *ха* (*xā*). Она также может учитываться при скандировании в качестве буквы в том случае, когда явственно ощущается ее усиление (*сақл*) (л. 23б), иными словами, когда конечный гласный слова находится под ударением. Например, если скандировать сочетание слов *قىلسە وفا* (*кылса вафā*) в метре *раджаз* согласно парадигме *مستفعلن* (*мустаф'илун*), то здесь, пишет Бабур, на конце слова *кылса* появляется усиление (*сақл*), и поэтому буква *xā* является здесь не обозначением *фатхи* — огласовки буквы *син*, но считается буквой, т. е. формирует долгий слог метра.

Если же скандировать данное сочетание слов согласно парадигме *مفتعلن* (*муфта'илун*), то тогда в слове *кылса* усиление (*сақл*), как пишет Бабур, не принимается во внимание. Происходит это потому, что в парадигме этой стопы *раджаза*, измененной *зиҳабом тайй* (стопа *матвй*), второй слог краткий, и, следовательно, буква *xā* в слове *кылса* является только обозначением *фатхи*, т. е. огласовкой.

Приведенные Бабуrom примеры показывают, каким образом буквы *алиф*, *вāв* и *йā*, использующиеся в орфографии среднеазиатских рукописей в качестве огласовок, в системе тюркского аруза могут употребляться действительно только как огласовки, и тогда они служат графическими показателями краткости открытых слогов, но также — как они могут считаться и буквами при необозначенных в письме, подразумевающихся огласовках. В таких случаях они графически формируют долгие слоги и являются показателями условной долготы открытых слогов. Иногда на концах тюркских слов вместо *алифа* пишется буква *xā*, на которую распространяется это же правило.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что теоретики аруза, как, впрочем, и сами авторы тюркоязычных стихов, не только вполне понимали фонетический смысл используемых в арабо-персидском арузе сочетаний огласованных и неогласованных букв, но и знали, каким образом можно использовать тюрк-

ские слова, в которых отсутствует различение долгих и кратких гласных, как в арабских и персидских словах, в системе аруза, словно они действительно обладают долгими и краткими слогами. Графическое истолкование системы арабо-персидского аруза, основывающееся на понятии буквы и представляющее долгие и краткие слоги в стопах аруза как сочетание огласованных и неогласованных букв, позволило тюркоязычным поэтам пренебречь представлением о подлинной природе того или иного слога в тюркских словах и обратиться к представлению о том, что эти слоги, написанные в арабской графике, представляют собой графически. И хотя в тюркских словах не было долгих и кратких слогов, аналогичных арабским и персидским, в них обнаружилось такие же графические сочетания букв, которые в арабо-персидском арузе действительно обозначали долгие и краткие слоги. Отсюда родился прием приравнивания закрытых слогов в тюркских словах долгим слогам и открытых — кратким, а также прием двойственного употребления открытых слогов (как кратких и как долгих). Следует сказать, однако, что поэты избегали скопления открытых слогов в качестве долгих. Если по схеме метра следовало подряд несколько долгих слогов, то обычно в стихе открытые слоги в качестве долгих перемежались с закрытыми слогами, которые всегда принимались только за долгие. Применение этих приемов, разработанных в течение многовековой практики тюркоязычной поэзии, явилось основным условием приспособления тюркского языка к метрам аруза в главной области ритмообразования, охватывающей систему гласных. Затем, уже значительно позднее, описание этих приемов появилось в трактатах об арузе, получив естественно традиционную форму выражения, что не умаляет их значения, но требует особого понимания. Говоря современным языком, о с н о в н о е п р а в и л о т ю р к с к о г о а р у з а , о котором писал в своем трактате Бабур, связано с принципом изображения гласных в тюркских словах и определяется им.

Кроме основного правила, обусловившего возможность существования ритмических схем аруза на тюркоязычном материале и касающегося системы гласных, Бабур отмечает также некоторые более частные приемы написания и произнесения в тюркских словах согласных. И здесь автор трактата также проявляет понимание сути фонетических явлений. На л. 226 речь идет об использовании в арабо-персидском арузе удвоенных (*мушаддад*) букв, как, например, в слове *خۇررام* (*хуррам*). Данное слово, скандируемое согласно парадигме стопы *فعلن* (*фа'лун*), состоит из двух долгих слогов, поскольку буква *ра* с *ташдидом* принимается за две буквы, и таким образом первый слог слова является закрытым. Упомянув это правило, Бабур далее описы-

вает возможность использования *ташдйда* в тюркских словах. Он пишет, что в тюркских словах *ташдйд* появляется от прибавления к основе глагола буквы (в современной терминологии — показателя) прошедшего времени. При этом, указывает Бабур, буква *дāl* заменяется буквой *tā*. Например, если основа глагола оканчивается буквой *tā*, то буква *дāl* (употребляя современные термины, согласный *д* в аффиксе 3-го л. ед. ч. прошедшего времени) будет заменяться буквой *tā* (т. е. согласным *т*): *یتتی* (*йетти*). Бабур отмечает, что в подобных случаях иногда пишут слова с одной буквой *tā*: *ینتی* (*йетти*). Если это слово скандируется в соответствии с парадигмой стопы *فعلن* (*фа'лун*), то в нем учитываются две буквы *tā*, хотя *ташдйд* на письме не обозначен (известно, однако, что он здесь имеется). Следовательно, здесь также получаются два долгих слога, поскольку двойная буква *tā* делает первый слог закрытым. Иногда же, указывает Бабур, такое слово пишут просто с двумя буквами *tā*: *یتتی* (*йетти*), т. е. без *ташдйда* (обозначенного или подразумеваемого). Употребление его в стопе метра таково же, как и в первом случае.

Другой вид употребления удвоенных букв в тюркских словах наблюдается в таких примерах, как: *دولتته* (*давлатта*), *فراغت تین* (*фарāгаттин*), *ایلیک* (*иликка*). При этом, отмечает Бабур, буквы *гайн*, *kāf* и *kāf* также могут заменяться друг другом. В этом виде употребления удвоенных букв на письме обозначаются обе буквы. Переводя сказанное Бабуром на язык современных лингвистических понятий, здесь описываются фонетические явления, возникающие при прибавлении к основам имен существительных аффиксов местного, исходного и дательно-направительного падежей.

Эти примеры появления «удвоенных букв» в тюркских словах говорят о том, что Бабуру был известен закон прогрессивной ассимиляции согласных при словоизменении и он понимал необходимость учитывать этот закон при построении ритмических схем. Понятие *ташдйда* дало возможность приспособить тюркские фонетические явления к теории арабо-персидского аруза путем нахождения адекватных или приблизительно сходных представлений.

Интересно замечание Бабура об акустической форме проявления вышеуказанных особенностей тюркского аруза: «... и при исполнении [стиха] в пении [буквы] *дāl* и *гайн* от соседства с [буквами] *tā*, *kāf* и *kāf* заменяются [буквами] *tā*, *kāf* и *kāf*» (л. 22б). Это замечание свидетельствует о том, что для средневекового теоретика аруза важным являлось не только понимание необходимости учитывать фонетические законы, реально существовавшие в языке, но и осознание возможных различий между графической и акустической формами стиха, различий, которые

в некоторых случаях (как в названном) полностью уничтожались и приводили к тождеству обеих форм стиха. И хотя Бабур, описывая данные явления, пользовался традиционными понятиями, его рассуждения показывают глубину проникновения в сущность стиховедческих проблем, которые не потеряли актуальности и в наше время.

В разделе о правилах скандирования в трактате Бабура мы находим специальное упоминание о правиле обращения в тюркском арузе с сочетаниями букв *нүн* и *кәф*, которые, как мы знаем, передают тюркский согласный *нғ*. Бабур пишет, что если после неогласованной буквы *нүн* стоит буква *кәф*, то этот *нүн* при скандировании не учитывается, как, например, в словах *ينكليغ* (*йанглыг*), *تونكلوك* (*түнгәлүк*), образующих стопу *فعلن* (*фа'лун*).

Речь здесь идет о том, что буквой, закрывающей слог, считается буква *кәф*, и этого достаточно, чтобы первый слог был долгим в соответствии с парадигмой стопы. Поэтому буква *нүн*, предшествующая букве *кәф*, при построении такой стопы опускается, т. е. считается лишней. Суть этого явления, которую Бабур прекрасно понимал, заключается в том, что в арабской графике не нашлось лишней графемы для тюркского звука *нғ*, который стал передаваться сочетанием двух арабских букв — *нүн* и *кәф*. Поскольку акустическая форма слов, содержащих звук *нғ*, не тождественна их графической форме (один звук обозначается двумя буквами), а традиционная интерпретация теории аруза опускает понятие звука, Бабур вынужден специально указать на то, что из двух написанных букв в схеме приведенной стопы будет использоваться только одна буква, другая же оказывается ненужной.

В заключение следует сказать, что интерпретация теории аруза, основанная на раскрытии содержания традиционных понятий одновременно и с точки зрения средневековой поэтики, и в свете современных представлений, помогает найти объяснение многим до сих пор неясным и спорным вопросам теории и практики тюркского аруза.